

ВОСПОМИНАНИЯ Е.Л. НЕДЗЕЛЬСКОГО – РУССКОГО ЭМИГРАНТА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

© 2019 г. И.И. Поп

Dr.Sc., Чехия

E-mail: ivpapp@seznam.cz

Статья посвящена ранее не издававшимся воспоминаниям русского эмигранта в Праге филолога и этнолога Е.Л. Недзельского. Особое внимание уделяется анализу его работ о Подкарпатской Руси.

The article dedicated to the not published memoirs of Russian emigrant in Prague, philologist and ethnologist Evgeni L. Nedzelski. Special attention paid to the analysis of his works about Carpathian Rus'.

Ключевые слова: Чехословакия, русская эмиграция, Подкарпатская Русь.

Keywords: Czechoslovakia, Russian emigration, Carpathian Rus'.

DOI: 10.31857/S0869544X0005438-4

Автобиография Евгения Леопольдовича Недзельского возвращает читателя в бурную и одновременно трагическую первую половину XX в. Несмотря на краткость, свидетельство автора, литератора русского «серебряного века», участника революции и Гражданской войны в России, русского эмигранта в первой Чехословацкой республике, активного участника культурных и политических процессов в Подкарпатской Руси, чрезвычайно ценно. При этом следует подчеркнуть, что его оценка и анализ событий, участником которых он был, неординарны, как и сама личность Е.Л. Недзельского.

Неординарно уже само происхождение автора. Потомок польского революционера, борца за возрождение разделенного в конце XVIII в. между Россией, Пруссией и Австрией Польского государства, стал убежденным русским, точнее великорусским патриотом, истинным либеральным демократом, осудившим как доктрину большевистских революционеров, так и их противников, участников «белого движения» в российской революции. Не поддался он и демагогии как справа, так и слева на бурной политической арене первой Чехословацкой республики, резко осудил фашизм и авторитаризм, отказался от предложенной ему блестящей карьеры ученого-исследователя в Карловом университете в Праге, предпочел ей просветительскую работу в самой отсталой

провинции Чехословакии, Подкарпатской Руси. Такой человек в тот период не мог быть баловнем судьбы, в то же время, следует сказать, ему везло и не везло.

В студенческой юности и в эмиграции Недзельский находился в кругу русских поэтов, писателей, художников и ученых, создавших славу русской культуры XX в. В то же время его собственные крупные работы («Похоронные жалобные песнопения у славян», «Беженцы государства Российского», монографическая работа о подкарпатских вышивках и их классификации, «Гитлер Украины» (заметки о так называемой Карпатской Украине) затеряны в эмигрантских издательствах и их архивах или попали в недоступные для исследователей архивы секретных служб Венгрии и СССР. Потеря этих работ и воспоминаний — утрата не только для автора, считавшего ее своей «литературной смертью», но и для науки в целом. К счастью сохранились основные работы Е.Л. Недзельского по проблематике Подкарпатской Руси («Очерк карпаторусской литературы» («Введение в историю карпаторусской литературы»), «Угро-русский театр», «Сучасни руськи художники», «Похороны и причитания в Подкарпатье. Из уст народа»). Последнюю можно смело поставить в один ряд с монографией русского этнографа П.Г. Богатырева «Магические действия, обряды и верования Подкарпатской Руси».

Каждая из работ Е.Л. Недзельского уникальна по собранному материалу и его осмыслению автором. Перипетии написания и их издания могли бы составить материал для романа фактов из истории Подкарпатской Руси 1930-х — первой половины 1940-х годов. К сожалению, в советский период истории края они были табуированы. Некоторые советские «исследователи» тем не менее использовали фактический материал работ Недзельского, «скромно» не сославшись при этом на их автора и не поняв его оригинальных выводов. Изучение их, а также места Недзельского в жизни русской эмиграции и культурных процессах на Подкарпатской Руси — дело будущего.

Нельзя не признать меткости характеристики Недзельским действующих лиц на культурной и политической сцене Подкарпатской Руси того периода: русинский деятель Е. Сабов — благородный человек, не терпящий лжи; русский лингвист русинского происхождения Г.Ю. Геровский (внук русинского деятеля XIX в., двоюродный брат великого русского художника и историка русского искусства И.Э. Грабаря) — исследователь довольно ленивый; русский историк профессор А.Л. Петров — карпатовед-русинист, прикрывающий свою провенгерскую интерпретацию древней истории русин позитивистской философией; русинский политический деятель С. Фенцик — непомерно честолюбивый, фашиствующий, злопамятный политический авантюрист, не брезгающий фальсификацией данных о деятельности возглавляемого им «Общества им. А. Духновича» и доносами на неугодных ему лиц; первый премьер автономного правительства Подкарпатской Руси А. Бродий — прямая противоположность Фенцику — благородный человек, помогавший в период войны в Венгрии жертвам полицейского преследования; директор Подкарпатского общества наук (ПОН) И. Гарайда, мадьяризованный и колонизированный русин, человек высокой культуры; славист Д.Н. Вергун — ученый-фантазер и др.

Е.Л. Недзельский беспощаден, но объективен в оценке деятельности руководства близкого ему «Общества им. А. Духновича». Большинство деятелей этого общества, за исключением Е. Сабова и Н. Бескида, в глазах Недзельского — прожектеры. Функционирование читален «Общества» на местах было делом местных энтузиастов, признает автор автобиографии.

Столь же критичен Недзельский и в оценке политической ситуации в Подкарпатской Руси в период первой Чехословацкой республики: «Среда, в которой я вынужден был работать и события в крае тех лет носят прямо таки анекдотический характер». Оценка эта справедлива, ведь в крае, в котором чехословацкая администрация в 1920 г. насчитала свыше 50% неграмотных, спустя десять лет было зарегистрировано 45 политических партий, полтора десятка культурных и прочих обществ, в школах преподавание велось на семи языках, при том культурно-политические направления — русинское, украинское и русское — вели между собой беспощадную борьбу за влияние на русинское население. Русинское общество явно было не готово к восприятию идей и принципов либеральной демократии. Недзельский понимал, что лидеры некоторых течений получали денежные «дотации» из Венгрии, Польши и Германии.

Тем не менее он с большим уважением относился к русинскому народу и его культуре. «Размышляя обо всем этом как бы со стороны, — писал он, — после всего, что произошло за последние четверть столетия, знакомства с людьми этого клочка земли и его народа, я пришел к убеждению, что именно они являются той, сохранившейся от давних веков, древнейшей частью рассеянных восточных славян и Руси». Более того, он считал Карпаты прародиной славян на основании того, что в обычаях, народной культуре и языке русин обнаружил много архаических черт и элементов, которых уже не было у других славянских народов. Наличие таких черт современные русинисты объясняют почти полной изоляцией карпатских русин на протяжении тысячелетий, отделенных от славянского массива с востока Карпатскими горами, а с юга и запада уграми-мадьярами и румынами. К тому же территория их обитания в Венгерском королевстве и Австрийской империи занимала маргинальные позиции в политическом, культурном и экономическом отношении. Это способствовало консервации патриархальных отношений в русинском обществе и сохранению древних обычаев и языковых архаизмов.

Недзельский высказал смелую для своего времени гипотезу о ранней, по сравнению с восточнославянским массивом, христианизации русин миссионерами из числа учеников солунских братьев Кирилла и Мефодия (конец IX в.). Поражает его новаторская интерпретация государственности восточных славян. Недзельский считал, что у восточных славян в Средние века было не единое государство, а «существовали целый ряд княжеств с русским населением, которые иногда объединялись для совместной обороны от внешней опасности. Порой силой объединялись Галичское княжество с Киевским, а в конечном итоге с Московским, но в силу личных амбиций князей такие объединения вскоре распадались. Однако общенациональных стремлений к объединению, в интересах всей Руси, не было». Таким образом получается, что Киевская Русь как единое государство есть плод воображения русских, украинских и белорусских историков? Представив себе картину княжеских распрей, независимого функционирования на протяжении семи столетий феодальных городов-республик Новгорода и Пскова, можно согласиться с таким выводом Е.Л. Недзельского и признать его оригинальность. Да, конечно, жители этих княжеств и городов были русичи и очевидно сознавали свое родство. Но это родство было тем единством в многообразии, благодаря которому во взаимном соперничестве Киев, Галич, Чернигов, Новгород, Псков, Владимир, Суздаль, Переславль Залесский, Москва создали великую в многообразии и в то же время в единстве древнерусскую культуру как составную часть культуры человечества.

Только подкарпатских русин в этом процессе не было. Они с X в. жили в составе полиэтнического Венгерского королевства, правители которого, вопреки утверждениям марксистской историографии, не пытались их ни мадьяризовать, ни латинизировать. Ведь официальным языком в королевстве была нейтральная латынь, а магнатам не было дела до того, на каком языке изъясняются и молятся их крепостные. Концепцию полиэтнического государства во главе с династией Арпадовичей заложил первый ее король Стефан (Иштван) I, и ей следовали все его потомки.

Нынешним сторонникам фантастических «теорий» о чуть ли не «извечности» украинской государственности, конечно, не понравится полное ее отрицание Е.Л. Недзельским. Только здесь есть одно важное обстоятельство — Евгений Леопольдович был прямым свидетелем хилых потуг «розбудови держави» украинских государственников в 1917—1920 гг. «Карпатскую Украину» 1938—1939 гг. он считал анекдотом. Отсюда его категоричность в оценке государствообразующей способности «украинов», как он их оригинально называл.

Столь же беспощаден, а порой и язвителен, автор автобиографии в оценке национально-государственной политики русского царского самодержавия. Именно на примере его отношения к русинам и их лидерам, в частности А.И. Добрянскому он продемонстрировал первичность государственных и геополитических интересов царей и проводников их политики, их неприятие идеи так называемой славянской общности.

Также Е.Л. Недзельский вводит нас, хоть и скупое, в атмосферу фактического функционирования русинской культурно-национальной автономии в Венгрии в 1939—1944 гг. В отличие от марксистской и вторящей ей современной украинской историографии он характеризовал режим М. Хорти не как фашистский, но консервативный, авторитарный, многопартийный, парламентный режим, а венгерских фашистов регент держал в тюрьмах вплоть до оккупации Венгрии немецкими войсками в марте 1944 г. В одной из них некоторое время был заключен по сфальсифицированному обвинению и Е.Л. Недзельский, подчеркнувший в воспоминаниях, что видел там только коммунистов и фашистов. А его невиновность сумела доказать русская дворянка, супруга венгерского премьер-министра П. Телеки.

Умер Е.Л. Недзельский 27 мая 1961 г. в Праге в больнице «На Франтишке».

Исповедь русского эмигранта

Мои дорогие!

Чувствую, что близок мой конец, хотя в духе всячески этому сопротивляюсь. После длительных размышлений решил выполнить Вашу просьбу и написать свою автобиографию. Делаю это не для того, чтобы меня после смерти славословили, ибо ни у меня, ни у моих близких такой потребности нет. Пишу это с той целью, чтобы в будущем у Вас в руках было мое личное свидетельство о том, кем я был и чем руководствовался в своей жизни и деятельности на тот случай, если какие-нибудь писаки попытаются очернить мое имя.

Я родился в экономии Ивановка у села Черный Хутор, Ульяновского уезда, Сумского округа, Харьковской губернии. Мой прадед со стороны отца был участником восстания 1830 г.¹ и как австрийский подданный бежал в Россию, в Житомире купил небольшое имение.

¹ Автор ошибается, восстание 1830 г. было в русской части разделенной Польши. Поскольку его прадед был австрийским подданным, то он по всей вероятности был участником восстания 1846 г. в Кракове, подавленного австрийскими войсками.

Дед получил образование в русской гимназии, хорошо знал проблемы сельского хозяйства и получил место в одном из поместий сахарозаводчика, будущего русского миллионера Харитоненка. Дед жил в селе Пахомовка, Ахтырского уезда, Харьковской губернии. У него было 9 детей, все дочери закончили гимназию, сыновья получили высшее образование, кроме самого старшего, моего отца Леопольда Александровича. Дед записал его в гимназию в Сумах, однако он едва окончил два класса и был исключен по причине «шумного поведения и посредственных успехов», как он сам вспоминал. Однако отец был человек больших организационных способностей и неумной энергии. Дед добился для него места практиканта в Николаевском поместье того же Харитоненка. Вскоре он стал ведущим хозяйства, затем управляющим Николаевского поместья, а в дальнейшем управляющим нескольких поместий. Знания приобретал путем самообразования, перечитал всех русских классиков, а также многих польских авторов. У него было семеро детей, я был самым старшим. В настоящее время (1960 г.) никого из них уже нет в живых, возможно только сестра Нина. Брат Борис, автор книги «Пушкин в Крыму» был профессором, деканом филологического факультета в Кисловодске. В период «ежовщины»² был арестован, неизвестно по какому поводу, больше мы о нем не слышали. Брат Глеб писал и публиковал стихи, погиб в годы Первой мировой войны.

Мою мать звали Варвара Федоровна Холявина. Полная фамилия ее отца, мелкого помещика из Белок, что у Харькова, была «Холява Якцур та ще і Кислиця». Когда на Украине оказалось больше польских дворян чем русских (все беженцы из Польши заявляли, что они дворяне), дед по матери также заявил, что он дворянин по фамилии Холявин.

Мама закончила гимназию в Харькове. Директором гимназии была ее родственница, украинская поэтесса Христиана Альчевская. Я был представлен старушке, когда мне было пять лет, говорил я по-русски, она мне тогда подарила бумажник шитый бисером. Брат моей матери был художник, Николай Фед. Летом часто гостил у нас, благодаря ему я заинтересовался живописью. Мама также рисовала цветы, играла на пианино. Читать и писать научила нас она. Дома мы говорили по-русски, иногда пели украинские песни, по-польски отец говорил только с польскими гостями и с ксендзом, дважды в году приезжавшим за «подарками для церкви». Мы все были к религии индифферентны. В такой атмосфере прошло мое детство.

Я родился 3 ноября 1894 года. Записали меня в Александровскую гимназию в Сумах в 1904 году, ее я закончил в 1913 году с золотой медалью. В годы учебы в гимназии я увлекался рисованием, писал маслом этюды и был поклонником французских импрессионистов и постимпрессионистов (Манэ, Сезанн, Дега, Гоген и др.). Стихи я начал писать еще до поступления в гимназию. Уже как гимназист я посылал свои стихи в редакцию газеты «Сумской Вестник», печатали их под псевдонимом Евг. Осенев. Писал я также поэмы, на 10–12 страниц (Ричард Львиное Сердце и др.), но их я редакциям не предлагал. Я буквально глотал современную русскую и иностранную литературу, выходившую в издательстве «Антик», польских авторов киевского издательства Идзиковского. Летом участвовал в любительских спектаклях, ставили мы русские и украинские пьесы. Исполнял я комические роли и часто клоуничал.

² Имеются ввиду сталинские репрессии 1936–1937 гг. под руководством народного комиссара внутренних дел Ежова, впоследствии также расстрелянного.

Мои родители настаивали, чтобы я стал инженером. Я сдал конкурсные экзамены в Политехнический институт в Санкт-Петербурге на отделение судостроения, а также в Институт гражданских инженеров, куда я поступил и сдал потом многочисленные экзамены по учебным предметам.

В феврале 1914 года после сдачи экзаменов по математике, химии, физике, архитектуре и др. я понял, что инженерное дело меня не интересует, я его как-то не воспринимаю как свой удел, меня больше притягивают гуманитарные науки.

Преодолев внутреннюю борьбу и борьбу внешнюю с родителями и администрацией Института я оставил Санкт-Петербург и осенью 1914 года начал посещать лекции на филологическом факультете Московского университета. С большим рвением я начал изучать историю, литературоведение и историю искусства. В течение трех лет я выполнил всю программу необходимую для сдачи государственных экзаменов. Кроме сравнительной грамматики славянских языков в качестве диссертационной темы я выбрал «Похоронные обычаи русских племен» (так в оригинале. — *И.П.*). Эту работу я уже фактически сделал на семинаре у профессора С.К. Шамбинаго, так что у меня было достаточно времени для литературного творчества. В 1915 году студенты организовали «Издательство молодых», которое приняло к печати книгу моих стихов «Радость в страдании». Однако издательство затягивало с какими-то организационными формальностями и книга вышла вне его. Хорошие отзывы на мою книгу были опубликованы в журнале «Млечный путь» (Москва) и в газете «Утро» (Харьков). Авторитетный в те годы «Журнал журналов», процитировав из моей книги несколько фраз написал, что за такую идейную направленность автора книги следовало бы хорошенько отлупить.

Редактор журнала «Млечный путь» Алексей Михайлович Чернышев, поэт скромного дарования, банковский работник и его брат Николай питали ко мне симпатии, и я был постоянным участником их живых редакционных встреч. Этот скромный журнал предоставил свои страницы многим тогда начинающим литераторам и художникам. На его страницах можно было встретить имена П. Антокольского, Амфиана Решетова, Сергея Спасского (переводил также стихи грузинских поэтов), художника Федора Богородского (позже народный художник СССР), Сергея Буданцева, Сергея Есенина, Надежды Павлович и др. Воспоминания об этом публиковались на страницах журнала «Своими путями» (Прага, 1935–1936).

На страницах тоненького журнала «Млечный путь» появилось и мое имя, поэта студенческих лет. В 1915–1917 гг. здесь было напечатано десять моих произведений. В 1917 году мою поэзию печатали более солидные журналы: «Журнал для всех», «Заветы». Вспоминая события тех лет и выходившие тогда книги, сугубо эстетическое восприятие поэзии тогдашней молодежью вплоть до использования какого-то «внесмыслового языка», я могу уверенно сказать, что меня это не удовлетворяло. Я стремился строить свои поэтические произведения в тесной связи с реальной жизнью, с войной, социальными и цивилизационными переменами. В сборнике «Радость в страдании» (имеется в Славянской библиотеке и Библиотеке чехословацких писателей в Праге) стихи «Плачь, плачь по зеленому леску, Утираясь вышитым платочком» были посвящены «Украине», но цензура вычеркнула это посвящение.

Украинский язык я воспринимал как диалект русского, который вследствие недальновидности чиновников и пассивности русской интеллигенции как бы

не принимался во внимание. Это вызвало появление искусственной украинской идеологии, поддерживаемой немцами и поляками, преисполненной сепаратизма и шовинизма. Вы лучше это понимаете, чем советские академики, которые дождались того, что понимание единства Руси было стерто с лица земли. Результаты этого чувствовали и чувствуем и мы, наше поколение. Я уверен, что пройдет еще много лет, пока российские академики поймут, что им, как русским, не пристало занимать нейтральную позицию невмешательства, ибо это противоречит их моральной национальной обязанности — формировать культурное единство всех русских на земном шаре, заботиться о всех тех, которые считают себя русскими при том так, как это делают чехи, поляки, венгры и другие народы. Примером могут послужить Я. Головацкий, А. Добрянский, Н.В. Гоголь, Т. Шевченко, В. Короленко, И. Франко и все подкарпатские русинские будители.

Уехал я из Москвы в июне 1917 года, вернуться туда мне уже суждено не было. Наша семья в то время жила в Сумах, время было революционное, царил всюду хаос, нужно было помогать семье. Зимой 1917/1918 гг. начала формироваться большевистская «Радянська Україна», я работал в отделе обеспечения. Весной 1918 г. началась немецкая оккупация³: генерал Гоффман⁴ пришел грабить Украину. Слабая Красная Армия отступила без особого сопротивления. На смену большевистскому Совету в Киеве появилась без особого сопротивления немецкого режима, не пользовавшаяся никаким авторитетом. Во время заседания этой «Рады» ее окружила (с позволения немцев) толпа так называемых хлебоборов, собранная помещиками. «Хлебоборы» отстранили «Раду» и избрали гетманом Скоропадского. Помещики ликовали. Немцы активно грабили крестьян, вызывая ненависть к их прислужникам помещикам. Лето 1918 г. я провел в поместье Харитоненка, в селе Александровка. Генерал Гоффман дважды посетил это поместье вместе со своим штабом. На встречу с ним сюда съезжались помещики из соседних поместий, по-немецки не понимали, но дружно пили водку «за дружбу».

Ограбив Украину и потерпев поражение на западном фронте, немцы ушли восвояси. На их месте появились немецко-польские банды Петлюры. Были настолько слабы, что даже не пускались в очередной грабеж. Покрутились в городах и селах и исчезли неизвестно куда. Затем вновь пришла Красная Армия, которую приветствовали всякие «украины», надеясь, что она установит порядок. Я был принят на работу в отдел народного образования в Сумах. Вначале начальником отдела был учитель из Суджи Бубель, вскоре его заменил крестьянин из села Ястребиное Крыловецкий, человек умный, больших организационных способностей. Я организовал секцию искусств, национализировал три театра, библиотеки, открыл музей, который взял под охрану художественные коллекции из разных поместий. Директором музея я назначил профессора Московского высшего технического училища Федорова. Не имея опыта в семейных делах актеров, я назначил начальником секции театров местного антрепренера П. Голубева. В это время по партийной линии из Москвы был прислан старый актер оперетты, большевик с довоенным стажем семидесятилетний Исидор Лангфельд, хорошо разбиравшийся в театральных делах. Во

³ После подписания Брест-Литовского мира украинской Центральной Радой Германия и Австро-Венгрия стали «союзниками» УНР и ввели свои войска на территорию Украины.

⁴ Генерал Гоффман — главнокомандующий объединенными германскими и австро-венгерскими войсками, оккупировавшими Украину.

всем остальном он полагался на меня. Это был прекрасный специалист и человек с большим жизненным опытом.

Между тем неизвестно по какой причине был арестован мой отец. Хождения по его делу, работа и заботы о семье напрочь оторвали меня от литературных занятий. Судили отца неизвестно за что, партийный деятель, прокурор Боровский, отказался составить против него обвинение. Не было никаких свидетелей, которые бы обвинили в чем-то отца. Тем не менее суд признал отца виновным и осудил его как «контрреволюционера» к принудительным работам. Приговор был бессмысленным. Поскольку я и мой младший брат Анатолий, работавший в юридическом отделе, встречались с судьями по долгу службы, отца по нашей просьбе никуда не отослали, оставив в местной тюрьме, куда мы ему ежедневно носили еду. Но тут красные начали уходить из Сум под напором Добровольческой армии и председатель суда большевик Алхимович отпустил отца на свободу.

За весь этот период я написал несколько глав «Лирической поэмы». Одна глава — «Адам, ты изгнанник из рая...» — была опубликована в журнале «Луч» издательства Кооперативного союза в Сумах, а другая — в журнале «Маковец» в Москве (переименованный «Млечный путь») в 1918 г. Этот номер я случайно обнаружил в Славянской библиотеке в Праге. Мои стихи были опубликованы также в альманахе «Без сердца» (Москва, 1918). Некоторые свои произведения я посылал поэту Амфиану Решетову (псевд. Н.Н. Барютина), моему московскому приятелю, который публиковал их без моего ведома. Весной 1918 г. я решил издать в Сумах книгу стихов против войны «Завоенный плач». Она была напечатана в издательстве «L' uaso bleu» («Голубая птица») с согласия поэта Г. Швенгелиба, сотрудника журнала «Искусство», проживавшего тогда в Харькове. Книга была отпечатана, но пришла Добровольческая армия, печатная продукция издательства была конфискована, в том числе и моя книга, и уничтожена. Сохранилось только десяток экземпляров. Где они сейчас? Журнал «Маковец» и альманах «Без сердца» в 1936 или 1937 году я дал читать А. Фариничу⁵, однако он мне их не вернул, будто бы у него их «украли».

При большевиках мы организовали в Сумах народный университет, в котором я успел выступить с двумя лекциями на тему теории театрального искусства. Побывал я на допросе и в местной ЧК. Я подписал письменный приказ на выдачу 5 литров чистого спирта «для промывания париков», в чем по мнению доносчика не было потребности. На мою защиту выступили актеры и подтвердили, что спирт я выдал по их просьбе и по требованию местного военкома. Они готовили представление для мобилизованных, а необходимые для этого представления парики были грязные.

Летом 1919 г. в город вступила Добровольческая армия Деникина. В первый же день меня как случайного прохожего прямо на улице поймали и «мобилизовали» в ее ряды. Через две недели нас погнали на фронт у Бобрика в 70 км от Сум.

Жестокое преследование большевиками помещиков и фабрикантов меня возмущало, но сцены мучений добровольцами-дроздовцами крестьян и тех, кого они считали большевиками перечеркнули самые худшие мои ожидания. Поэтому я решил бежать и скрываться дома. Я страдал сильной близорукостью и решил обратиться к главному врачу в больнице с просьбой, чтобы

⁵ А. Фаринич — русинский литератор.

меня направили на медицинскую комиссию. Врач оказался бывшим студентом Московского университета, мы вспоминали наши студенческие годы и он мне написал поручение на комиссию в Сумы. Комиссия меня освободила от службы в армии и я начал готовиться к государственным экзаменам в Харьковском университете. Размышляя над виденным я пришел к выводу, что так называемое белое движение как Колчака, так и Деникина есть ничем иным как реставрацией власти крупного капитала, а народные массы только и ждут возвращения большевиков надеясь, что от них они получают помещичьи земли.

В ноябре 1919 года я поехал в Харьков в надежде закончить университет, но в городе я попал в атмосферу панического бегства «белых». Меня и моего младшего брата захватили прямо на улице и вновь «мобилизовали». Брат вскоре во время похода заболел тифом и умер, а я на коне без седла одолел 600 верст. Из Крыма нас перебросили на Кубань, откуда мы вновь спешно бежали в Крым. В одном из городов меж горящих складов и бегающих по улицам сотен брошенных лошадей я упал и разбил очки. Наступила тьма, ночь. Мимо случайно проходило какое-то отделение солдат и я присоединился к ним. Пароходы в порту были переполнены, трапы убраны. Мы сели в какой-то баркас с одним веслом и отплыли от берега. Не успели отплыть 30—40 метров как сломалось и то единственное весло. Мы к тому же оказались под обстрелом с берега, вертясь почти час на одном месте. Тут подплыл еще один баркас, взяли нас на борт и высадили на пароход «Кагул», на котором мы приплыли в Феодосию. В Крыму всем было ясно, что «белое движение» потерпело поражение и что союзники (англичане) оружия нам не дадут. Но весной тем не менее началось наступление из Крыма. Силы были неравные. Никто нас уже не воспринимал как «освободителей». В августе 1920, уже в тылу, на пути к Покровке Мелитопольского уезда я был ранен в голову. Пуля прошла от виска к виску, скользнула по лбу и перервала глазной нерв правого глаза. Из укрытия в степи стрелял китаец из японского пулемета образца 1905 года. Японская пуля оказалась «интеллигентной», благодаря этому я остался жив. Меня отправили в тыл, почти слепого поставили у прядильного станка на фабрике в Симферополе. Во время эвакуации остатков войск Врангеля как инвалид я попал на пароход и оказался в организованном англичанами лагере Тузла в Малой Азии.

Для лечения глаза меня отправили в декабре 1920 г. в больницу в Константинополь (Стамбул). Здесь я находился до декабря 1921 г., откуда затем выехал для завершения образования в Прагу. В Константинополе я продавал цветы на улицах, собирал и относил белье в американскую (в действительности еврейскую) прачечную, посещал собрания кружков писателей и поэтов «Зеленая лампа», декламировал стихи в «Русском маяке», находившемся под покровительством американской церкви методистов. Я даже организовал лекцию на тему «Народная поэзия и революция» (см. журнал «Воля России», Прага, 1924, № 4, 5). Созданный там «Цех поэтов» объявил в печати выход моей книги стихов «Патриотический ямб» (повторно конфискованного «Завоенного пласа»). Тут русских начали рассылать из Константинополя и «Цех» распался. Перед отъездом в Прагу из Константинополя я был арестован с обвинением в краже предметов из посольской церкви (об этом я писал в газете «Руль», Берлин, № 2799, февраль 1930 г.).

В Праге меня ждали организационные трудности. Дело в том, что у меня имелось только косвенное доказательство обучения в Московском университете, а именно, справка об освобождении от службы в армии 1917 г. Тем не менее она была признана и, ознакомившись с программой Карлова университета,

я записался на философский факультет, изменив при этом свою специализацию: вместо русской литературы я начал изучать славянские литературы, специально чешскую, в качестве второй специальности с намерением написать диссертацию на присвоение ученой степени доктора философии я избрал историю искусства у И.П. Кондакова⁶ и К. Хитила⁷, археологию у Л. Нидерле⁸. Только в 1925 г. мне чудом удалось получить из Московского университета мою зачетную книжку. Мне были признаны сразу четыре семестра и я решил сдать экзамены на получение степени доктора философии. Но тут обнаружилось, что согласно новым правилам нельзя кумулировать археологию и историю искусства с литературой, поэтому мой выбор пал на чешскую историю. Тему докторской диссертации я взял у Я.Г. Махала⁹, а именно: «Похоронные жалобные песнопения у славян». Над этой темой, как я указывал выше, я работал еще в Москве. Мне пришлось ее только расширить и использовать дополнительные записи фольклора славянских народов. В ходе работы у меня возникла идея вложить также записи и сообщения о песнопениях над мертвыми у всех народов от 12 века до н.э. (Гильгамеш и Ингрид, Библия и др.) до 1924 г. Меня эта тема интересовала не только как изучение фольклора с литературной точки зрения, но и как народная драматургия (Олонецкие плакальщицы, сербские тужбалицы), а также народных верований. Мною были детально изучены тексты, разделены по мотивам и темам. В отдельной главе я показал, что ни у одного славянского народа я не обнаружил веры в загробную жизнь и посмертную встречу. Крестьянская же терминология у славянских народов только вскользь, весьма скупо, отмечает понимание жизни и смерти. Я также подчеркнул, что известный «Плач Ярославны» из «Слова о полку Игореве» мне представляется как произведение чисто индивидуального творчества. Работа получилась объемом 280 страниц (старого большого формата) текста с цитатами на семи славянских языках, что представляло в то время исчерпывающее исследование на эту тему.

Рецензенты профессора Я.Г. Махал и В.А. Францев¹⁰ высоко оценили мою работу. В.А. Францев подчеркнул, что я написал работу на звание магистра, для получения звания доктора философии достаточно было первых 3–4-х глав. Он рекомендовал работу для публикации в изданиях Чехословацкой академии наук. Я сразу же обратился в издательский отдел академии, но там только развели руками, список желающих издать свои работы был заполнен на несколько лет вперед. В.А. Францев, член академии, заметил, что если бы такую работу написал немец, то в Германии она была бы сразу же издана. Ну что ж, сказал он, подождем, когда такую работу о славянах напишут немцы! Я же не особенно печалился, потому как не чувствовал себя ученым и не хотел им стать. В 1935 или 1936 г. я вспомнил об этой работе и предложил ее для публикации в типографии «Школьная помощь» в Ужгороде. Получив рекомендацию профессора Францева типография, вернее общество «Школьная помощь», согласилось опубликовать мою работу. Однако когда дело дошло до набора текста, то оказалось, что в Ужгороде это сделать невозможно. К многочисленным цитатам на сербском, хорватском, польском и других языках типография

⁶ И.П. Кондаков – русский историк культуры, организатор семинара «Кондаковианум» в Праге.

⁷ К. Хитил (1857–1934) – чешский историк искусства.

⁸ Л. Нидерле – чешский археолог, этнограф, историк и славист и антрополог, профессор Карлова университета.

⁹ Я.Г. Махал (1855–1939) – чешский славист, историк литературы.

¹⁰ В.А. Францев (1867–1942) – русский славист, в эмиграции профессор Карлова университета в Праге.

не располагала кассой наборного материала. Увы, копия этого интересного научного труда погибла в период венгерского «освобождения» Подкарпатя (1939). Имеется единственный экземпляр в архиве докторских диссертаций за год 1926 филологического факультета Карлова университета в Праге. Это была моя «преждевременная литературная смерть» № 1.

В период моего пребывания в Праге и Подкарпатской Руси в 1922–1936 гг. я публиковал свои литературные произведения (стихи, рассказы, описания раннего периода эмиграции, эссе, не касающиеся Подкарпатской Руси) под собственной фамилией Евг. Недзельский в следующих изданиях: альманахах «Младорусь» (книга 1 и 2), «За рубежом», Прага, 1922, «Записки наблюдателя», Прага, 1926; в газетах «Дни», Берлин; Париж, 1923–1927, «Руль», Берлин, 1924–1936; в журналах «Студенческие годы», позже «Годы», Прага, 1923–1926; в ежемесячниках «Воля России», Прага, 1924–1927, «Своими путями», Прага, 1924–1927, а также в других изданиях. Переводы стихов и статей на русский язык, касающихся чешской литературы я публиковал под собственной фамилией или под псевдонимом И. Средин в еженедельнике, позже ежемесячнике «Центральная Европа», Прага 1925–1937. Немногое сохранилось у меня. Если мне хватит сил, то оставшееся разложу по папкам или оставлю отдельные издания. По предложению редактора газеты «Руль» и редактора «Архива русской революции» Й.В. Гессена я написал и передал в издательство в 1926–1927 гг. рукопись книги «Беженцы Государства Российского» (10–12 печатных листов), которая должна была выйти как самостоятельная, богато иллюстрированная книга с фотографиями с пяти континентов. Я описал в ней эвакуацию, жизнь в лагерях и первый период мытарств русских, вернее российских беженцев в 1917–1924 гг. Книга была принята к публикации и ждала своей очереди. Где-то в 1930 г. я узнал, что из-за издания моей книги в «Архиве» между Гессеном и одним из руководителей «Архива» Набоковым возник конфликт из-за того, что я не показал в книге целый ряд авантюр в среде беженцев и критически высказался в отношении «Галлиполийского сидения»¹¹. Гессен был иного мнения и решил издать книгу в издании «Слова» и попросил меня, чтобы я пролистал книгу еще раз. Мой ответ был отрицательным, кроме того я предложил дополнить ее статьями «Народная поэзия в годы революции» («Воля России», 1924, № 5, 6), «Богатыри старшие и младшие» (собрание анекдотов из первого периода эмиграции). В начале 1935 г. я опубликовал ее в редактируемом мною «Русском народном голосе» в Ужгороде. Добавил также статью «Язык Добровольческой армии» (опубликована в газете «Дни» в Берлине в 1924 г.). Книга была передана в набор, но ее дальнейшая судьба мне неизвестна. В Германии к власти пришли гитлеровцы, издательство «Ульман», с которым был связан Гессен, по всей вероятности было закрыто. Гессен умер. «Архив» насколько мне известно и его материалы вывез в Англию или США молодой В. Набоков, пишущий на английском языке. Однако установить с ним связь мне не удалось. Он один мог знать, где находятся материалы «Архива» и «Слова». В Варшаве умер сын Й.В. Гессена, профессор филологического факультета С.Й. Гессен. Мы с ним часто встречались в Праге, однако о его пребывании в Варшаве я узнал только из сообщения о его смерти. Из моей книги опубликованы были только две главы, а именно «Мемуары лагерей» («Воля России», Прага, 1925 или 1926) и «Иностранный легион» («Своими путями», Прага, 1925, № 8–9). Другие мои статьи, касающиеся эмиграции, опубликованные в этом журнале,

¹¹ Галлиполи — полуостров в Дарданелах в европейской части Турции, где был размещен лагерь беженцев армии Врангеля.

к книге имеют косвенное отношение. О статье об иностранном легионе высказало недовольство Министерство иностранных дел ЧСР с указанием, что на нее «обратил внимание» военный атташе французского посольства. Но статья была написана в полном соответствии с фактами, на основании писем моего брата и других легионеров. Часть писем сохранилась в папках моего архива¹².

Так была потеряна книга о беженцах и это была моя «литературная смерть» № 2. Из всего материала сохранилась только тетрадь первоначальных набросков. В виду состояния моего здоровья я вряд ли смогу ее восстановить для задуманной обширной книги «Записки беженца». Все опубликованное в вышеуказанных изданиях находится в Праге в Славянской библиотеке и библиотеке Национального музея. После получения докторского титула я оставался еще в Праге (конец 1926, начало 1927 г.), точнее в Радошовицах возле Ржишан. В феврале 1927 г. по приглашению «Общества им. А. Духновича» я выехал в Ужгород.

Не буду детально описывать свое пребывание на Подкарпатской Руси. В многих аспектах среда, в которой я вынужден был работать и события в крае тех лет носят прямо таки анекдотический характер. Размышляя обо всем этом как бы со стороны, после всего, что произошло за последние четверть столетия, знакомства с людьми этого клочка земли и его народа, я пришел к убеждению, что именно они являются той, сохранившейся от давних веков, древнейшей частью рассеянных восточных славян и Руси. Если мне здоровье позволит, то попытаюсь описать эти следы. Короче, мне представляется следующая картина. После татарского нашествия в XIII в. Белоруссия, Галиция, Буковина и Червонная Русь оказались под властью других народов, которые всеми средствами, в том числе и с помощью церкви, стремились отторгнуть западную Русь от остальной Руси, Московии. Подкарпатье затерялось в горном уголке, покрытом дремучими лесами и никого из соседей не привлекало ни с экономической, ни с политической точки зрения. Общенациональный патриотизм летописного периода и «Слова о полку Игореве», известный сказителям и певцам западной Руси, когда они оказывались в Киеве (см. исследования Югова), перестал существовать. Патриотизм принял ограниченную, государственную форму, сначала московскую, затем российскую. Самодержавные правители Руси-России если не воевали на западе, отражая агрессии то немецко-рыцарскую, то польскую или шведскую, не заботились о русских племенах, очутившихся под иностранным игом, панско-польским, а впоследствии австрийско-польским, имперским. Киевщина и юг Руси с «диким полем» оказались под постоянной угрозой турецкой агрессии, нападений кочевников с востока и польских королей с запада. Та часть Руси, которая оказалась вне власти царей, была предоставлена своей судьбе. Переяславский договор (1654 г.) был результатом не родственных связей с Москвой, а стремлением южан найти поддержку против посягательств иностранных сил. Та часть земель, которую взяла под свою охрану Москва была собственно «ничейным» краем, или «у краиной». Украинский филолог, ныне (1964 г.) митрополит православной украинской церкви в Канаде, считает, что это означает «родная земля» (см. журнал «Слово правды», 1957–1958), а не «окраина», как это интерпретируют некоторые исследователи.

Никакая украинская государственность никогда не существовала, как и государственное объединение Руси. Существовали целый ряд княжеств

¹² Большую часть архива Е.Л. Недзельского вывез в США русинский деятель из Прешова А. Шлепецкий. Дальнейшая судьба архива неизвестна.

с русским населением, которые иногда объединялись для совместной обороны от внешней опасности. Порой силой объединялись Галицкое княжество с Киевским, а в конечном итоге с Московским, но в силу личных амбиций князей такие объединения вскоре распадались. Однако общенациональных стремлений к объединению, в интересах всей Руси, не было. В период правления Ивана Грозного монахи из Московии побывали в Мукачевском монастыре, также в период правления Павла I. В Москве и Петербурге воспитателем в царской семье был русин Зейкан, тесно связанный с Мукачевским монастырем (см. статьи архимандрита В. Пронина в «Православной мысли», Прага, 1955—1958). Петр I был знаком с планами Ференца Ракоци II в период восстания под его руководством, в его резиденции в Мукачеве в то время находился представитель царя. Царь Александр I, возвращаясь с Венского конгресса (1815) в Москву посетил несколько русинских селений на пути из Кошице в Ладомирову (точнее, на курорт Бардейов. — *И.П.*). С «опасением» беседовал с карпаторусскими священниками в присутствии австрийских представителей, поскольку священники слишком откровенно говорили с ним о родстве с русскими. Учителем царя Николая I по некоторым предметам был русин Балудянский, царь был прекрасно осведомлен о стремлениях карпатороссов. Однако интервенция русской армии в Венгрии в 1849 г., отрицательный ответ генерала Рюдигера (прадед патриарха Алексия II) венгерской делегации, которая передала ему просьбу о переходе Венгрии в русскую сферу влияния, ясно показали, что русские цари и императоры заботились не о благе народов, в том числе русского народа, а только лишь об укреплении самодержавия. Это вынужден был понять и принять во внимание А. Добрянский¹³, не рассчитывавший ни на помощь царя, ни тем более на возможность присоединения Угорской Руси к России. Нет даже намек на то, чтобы покорив Венгрию, спасая императора Франца Йосифа I, русская дипломатия проявила бы какую-то заботу о русских в Австрии. Национальный патриотизм, проявившийся в России в форме славянофильства, был неугодным самодержавию и всячески им преследовался. После своего пребывания в России (1875—1881) Добрянский принял все это во внимание и сделал вывод, что австрийские славяне должны рассчитывать только на свои силы. Поскольку большая часть славян монархии населяла не венгерскую ее часть, а австрийскую, т.е. находилась не под властью Будапешта, а Вены, то Добрянский поставил все на карту Вены, полагался на Австрию, а не на Венгрию. Тем более, что мадьяры в борьбе за свои права довели свой национальный и социальный шовинизм до такого уровня, что искать пути соглашения с ними не имело смысла.

Вена же демонстрировала какую-то форму либерализма, по крайней мере для внешнего мира. Тем не менее возникшее в Галицкой Руси движение в начале XIX века Вена без колебаний оставила на съедение полякам, имевшим старые счеты с Москвой и императорской Россией. Слепота Вены проявилась в том, что даже хилые права галичан, включая народные школы и печатание книг она передала в руки поляков. Граф Голуховский¹⁴ под патронатом Вены начал развивать «самостийное украинство», демонстративно поддерживая

¹³ А. Добрянский (1817—1901) — русинский политический деятель, автор первой русинской политической программы (1848—1849), комиссар венского императорского двора в штабе русских войск во время их интервенции против революционной Венгрии в 1849 г. Автор идеи федерализации Австрийской империи как единственного способа ее сохранения в качестве защитницы равноправных малых народов Центральной Европы.

¹⁴ Граф А. Голуховский — наместник австрийского императора в Галиции в 1849—1859, 1866—1868, 1871—1875 гг., министр внутренних дел Австрии в 1859—1860, сторонник федерализации Австрии.

украинские школы и литературу, указывая при этом, что Россия таких прав украинцам не дает. Однако значительная часть галицко-русского населения отвергала украинство, сохраняла родственные чувства с остальной Русью. На эту часть галицийского населения хотел опереться А. Добрянский, мечтая объединить его с движением возрождения руських (русин. — *И.П.*) в Венгрии.

Свою деятельность в Галиции Добрянский развернул в период после достижения соглашения между Веной и Будапештом (после 1867 г. — *И.П.*), она отрицала «самостийность», украинизацию и была направлена против полонизации Галиции. Дело дошло до судебного процесса против Ольги Грабарь, дочери Добрянского и «других» (львовский процесс против группы галицийских русофилов 1882 г. — *И.П.*). В действительности же этот процесс был организован против Добрянского. Судебный процесс был спровоцирован мадьярами (премьером К. Тисой. — *И.П.*), давними приятелями польских аристократов, денационализаторов галичан. Вена при этом делала вид, что не замечает, что происходит [во Львове], тем самым предав своего талантливую организатора и дипломата во время русского похода в 1849 г. После провала процесса Вена сделала широкий жест: предложила Добрянскому в «административном порядке» поселиться подальше (в Иннсбруке. — *И.П.*) от подкарпатских русин. Ему назначена была государственная пенсия, оставлены все награды и дворянский титул «фон Сачуров». Устранив энергичного организатора Добрянского, Вена не протестовала против дальнейшей денационализации Карпатской Руси, приобретавшей отчетливо антирусскую форму. А что предприняли русские власти? Да ничего. Это, мол, было «внутренним делом» Австро-Венгерской монархии, стабильность которой для русского царя и Победоносцева была важнее, чем какие-то права народов как Австрии, так и России. Судя по опубликованной переписке К.П. Победоносцева (т. 1 и 2) Добрянский с его идеями был для Победоносцева интересным информатором, а для Николая II «милым стариком», фантазером.

Интересовалась ли русская историческая наука Карпатской Русью? Изучение Западной Руси ограничивалось Белоруссией, включенной в состав России в результате раздела Польши. О Малороссии было сделано кое-что в сфере этнографии и фольклора, но на изучении истории Западной Украины было наложено какое-то табу. Все кончилось собиранием песен и тематикой украинского театра. Работа И. Аркаса по истории Украины по причине своей ограниченности не могла быть противоядием фантастическим измышлениям М. Грушевского. Костомаров, Коцюбинский, Драгоманов, Житецкий и другие по политическим соображениям не решались изучать проблемы Западной Украины, а Общество им. Т. Шевченко во Львове, развернув широкое исследование, развивало скорее сепаратизм. Из числа русских ученых русинской проблемой занимались Н.И. Надеждин, И.И. Срезневский, В.А. Францев и А.Л. Петров. Последний издал целый ряд исследований литературных памятников Подкарпатской Руси, но всегда высказывался весьма осторожно о социальной и политической ситуации карпатороссов. В период первой Чехословацкой республики я многократно с ним встречался и дискутировал [в Праге], однако он чаще всего избегал отвечать на конкретные вопросы, ссылаясь на свою скептически-позитивистскую позицию в науке вообще. Шутя он сравнивал себя с Фомой неверующим — «пока сам свой перст не вложу в рану, я не могу ни верить, ни утверждать что-либо о времени и причинах заселения Подкарпатской Руси». Однако вместе с тем он признавал все то, что было выгодно для Венгрии и немцев, т.е. признавал утверждения венгерского историка К. Мейсароша, австрийского историка и социолога Г. Бидермана

и венгерского слависта русинского происхождения А. Годинки [о позднем заселении Подкарпатья с востока].

В 1930 г. в Праге вышла его книга «Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498 гг.», в которой он наконец высказал свое мнение о заселении Подкарпатской Руси и ее этническом составе. Я был шокирован с какой легкостью он отрицал все летописные сообщения о западной Руси. По мнению Петрова летописи также следует «проверить», а русинский историк И.М. Контратович по его словам писал о древнейших руско-венгерских отношениях слишком «доверчиво». А.Л. Петров утверждал, игнорируя сообщения русских летописей, что русины появились в Подкарпатской Руси «около 14 в.», так что если эта «ничейная земля и была заселена, так только восточными славянами». Иными словами, прав был венгерский хронист Аноним, писавший, что русины за Карпаты пришли как «гости» венгерских правителей. То, что написал Аноним в 13 или 14 в. о первенстве поселения мадьяр за Карпатами и их «гостеприимстве» в отношении русин и словаков не вызывает удивления. Не удивляет и то, что эта «версия» стала основой венгерской политики по отношению к русинскому и словацкому народам в новейшее время. Однако эта версия противоречит многочисленным фактам. Аноним, описывая переход мадьяр от Волги до Карпат упоминает имена вождей гуннов, которые якобы шли вместе с вождем мадьяр Арпадом, но при этом не упоминает ни одного русского князя, противника мадьяр, хотя термин «русский» употребляет часто. Но если мадьяры переходили через Карпаты из Галиции через перевал «Руськие ворота» (ныне Верецкий перевал. — *И.П.*), то тем самым Аноним подтверждает наличие здесь русского населения. Но А.Л. Петрова эти противоречия почему-то не заинтересовали. У меня сложилось такое впечатление, что А.Л. Петров, анализируя русинскую проблематику, по принципиальным вопросам старался избегать конфликтов с венгерскими историками, поступал по принципу «и нашим, и вашим», может быть потому, чтобы и в дальнейшем иметь возможность работать в венгерских архивах.

Д.Н. Вергун, ученый-фантазер, рассказывал мне, что в годы мировой войны в Петрограде была издана карта с обозначением национальностей на территории Австро-Венгрии с отчетливо провенгерским уклоном. Появление ее в таком виде он связывал с именем А.Л. Петрова как «знатока» в этой области. Во время одной из бесед с А.Л. Петровым я осторожно упомянул об этой карте, на что он ответил: «В то время можно было издать что угодно!» Таков был тот страстный исследователь истории Подкарпатской Руси. Ключевский в первом томе своего труда о восточных славянах восемь раз упоминает регион Карпат как прародину славян, однако никаких доказательств этого тезиса он не приводит.

Карпатороссы упорно и героически заявляли о себе как прямые потомки древней Руси. Вначале я воспринимал такое утверждение скептически, но позже пришел к выводу, что здесь в более поздних наслоениях сохранилось кое-что первичное от древней Руси. К сожалению, современное состояние моего здоровья не позволяет мне надеяться на написание хотя бы статьи на эту тему, поэтому попытаюсь изложить вкратце все то, к чему я пришел в процессе длительных размышлений.

В 1888 г. А. Добрянский опубликовал в журнале «Parlamentarier» статью под названием «В день святого великомученика Димитрия» посвященную тысячелетию со дня смерти св. Мефодия (885 г.) и тысячелетию со дня изгнания его учеников из Моравии (886). Он обратил внимание на популярность

св. Дмитрия Солуньского на Подкарпатской Руси и связывал этот факт с деятельностью учеников солунских братьев. Русские ученые не интересовались работами А. Добрянского, поэтому статья о св. Дмитрие не получила никакого отклика. На эту статью обратил внимание только русский карпатовед Ф.Ф. Аристов. Даже С.В. Добош¹⁵ ее не упоминает. По всей вероятности из опасения реакции братиславских «гопаков»¹⁶.

Я решил установить широту популярности св. Дмитрия [в Подкарпатской Руси] и обратился к «шематизму» (перепись греко-католических приходов. — *И.П.*) 1875 г. и к большому своему удивлению не обнаружил в нем ни одной церкви, которая была бы посвящена этому святому. На месте, в греко-католических приходах, мне объясняли, что имя этого святого приписывается старым церквям, которые были посвящены неизвестно какому святому. В «шематизме» 1875 г. я нашел много таких «безымянных» церквей. После войны, когда вновь начался процесс восстановления православия в Подкарпатье и восточной Словакии, греко-католики в борьбе с ним вдруг вспомнили о солунских братьях, хотя до этого их заслуги всячески замалчивали, считали чуть ли не еретиками, основали в Михаловцах монастырь солунских братьев. Более того, в «шематизме» 1946 г. я обнаружил, что все ранее «безымянные» церкви были посвящены св. Димитрию Солунскому. В самой только Подкарпатской Руси таких храмов насчитывается четыре десятка.

Получалось так, что и в греко-католической церкви это был самый популярный святой. Официальные же католические идеологи признавали влияние солунских братьев [на восток от Моравии] только в регионе Нитры. В настоящее время (см. введение к моей работе «Из уст народа») Ватикан расширил территорию такого влияния до Кошице. Собраны также кирилло-мефодиевские легенды, бытующие до сих пор в Словакии. Следует признать, что изгнанные в 886 г. из Великой Моравии ученики св. Мефодия ушли в восточную Словакию и Подкарпатье, где нашли благоприятную почву для распространения христианства среди восточных славян. Строили храмы, посвященные св. Димитрию Солунскому, самому почитаемому их учителями, солунскими братьями. У русских тогда еще не было и не могло быть своих святых. Церкви посвящались греческим, византийским православным святым. Если бы мы согласились с мнением, что церкви [в Подкарпатской Руси] были посвящены св. Димитрию Солунскому в более позднее время, а не в период [миссионерской] деятельности учеников св. Мефодия, то популярность здесь св. Димитрия не нашла бы объяснения. После официального принятия христианства св. Владимиром и распространения влияния христианского уже Киева, церкви посвящались уже св. Кириллу и Мефодию, а не их далекому предшественнику св. Димитрию. Из Киева принесены были также имена русских святых, которые впрочем на Подкарпатской Руси у древних церквей не находим.

В 1930 г. в г. Брно проходила выставка «Наша современность». При этом использованы были материалы из коллекции, собранной в начале 20-х гг. в Подкарпатской Руси под руководством С.К. Маковского и показанной в Праге в 1924 г. на выставке «Народное искусство в Подкарпатской Руси». Об этой коллекции я писал в 1924 г. в газете «Дни» (Берлин) поэтому меня не

¹⁵ С.В. Добош (1912–1978) — словацкий русист русинского происхождения, автор академической биографии А.И. Добрянского (1956).

¹⁶ «Гопаки» — презрительная кличка украинофилов, русинских перебежчиков в Словакии, данная им русофилами.

удивило предложение К. Коханного-Горальчука¹⁷ «привести в порядок» старую коллекцию. Просматривая ее я заметил, что образцы вышивок, составленные по отдельным селам и округам, в некоторых случаях нарушают местное единство самым неожиданным образом. Например, среди образцов из Нижних Верецких (центральная Верховина, ныне Воловецкий р-н. — *И.П.*) попадают образцы гуцульской вышивки [из юго-восточной части Подкарпатской Руси] и т.д. С.К. Маковский как комиссар будущей выставки в ее подготовку не вмешивался и за такие подмены не отвечал. Мы объясняли [подобные подмены] тем, что молодой парень взял в жены гуцулку, которая придерживалась своих традиций и внесла диссонанс в местные вышивки. Проведен был тщательный контроль всех образцов вышивки, который показал, что мотивы и цвет нитей вышивок строго ограничены округами и отдельными селами, менялись и их названия («на звездочку», «на гвоздики» и т.д.). Я собрал большое количество таких названий, но в каталоге они были напечатаны в сокращенном виде. С.К. Маковский объяснение пестроты структуры вышивок искал во влиянии соседей [русин], но при этом поступал слишком свободно или склонялся к выводам Стасова. Я же искал связи с древними и современными русскими вышивками и пришел к выводу, что влияние соседей (словаков, мадьяр, румын) было сравнительно меньшим. В то же время были очевидными их связи с древней и современной структурой вышивок новгородских, белорусских, черниговских и т.д. Вышивка же, нынче называемая «типично украинской» с яркими цветочно-растительными мотивами, здесь совершенно отсутствует или встречается в образцах, возникших вследствие польского, словацкого или венгерского влияния.

Подобные мотивы характерны также для гуцульских вышивок. Гуцулы перешли Карпаты [с востока] не раньше 15 в. Следует указать, что села и округа инстинктивно отвергали чуждые им образцы, защищали «свое», унаследованное от предков. К тому же эти традиции удерживались прежде всего в горах, в их долинах, и [чужие] влияния их не касалась. Даже отдельные села, «за холмом», удерживали свои традиции. Нечто похожее можно отметить на Кавказе. Все здешние вышивки выдержаны в «славянской» цветовой гамме — на белом домотканном полотне узоры крестом, иногда гладью, вышиваются белыми, голубыми или красными нитями. Наличие нитей других цветов объясняется влиянием мадьяр (зеленая), румын (черная, оранжевая), или гуцулов.

Я различал 16 оригинальных районов (С.К. Маковский насчитывал 13), при том только в пределах Подкарпатской Руси, без районов восточной Словакии, населенными русинами. Кстати, в одежде русин этого региона и ее декорировании отчетливо просматривается западнославянское влияние. Вычленив отдельные районы по вышивкам, я начал искать и соответствующие языковые, диалектные различия. В этом мне помогал Г.Ю. Геровский¹⁸, исследователь довольно ленивый. На эту тему им написана была одна статья, нужно сказать обстоятельная, опубликованная в третьем томе чехословацкой краеведческой энциклопедии (*Československá vlastivěda. Jazyk Podkarpatské Rusi. Praha, 1934. Sv. III. S. 460–495*).

¹⁷ К. Коханый-Горальчук (1883–1974) — русский эмигрант в ЧСР, педагог, публицист, заведующий отделом внешкольного образования земского управления Подкарпатской Руси в 20–30-х годах XX ст.

¹⁸ Г.Ю. Геровский (1886–1959) — русский славист русинского происхождения, внук А.И. Добрянского, двоюродный брат русского художника И. Грабаря, автор первой научной классификации диалектов русинского языка.

На основании этих данных я сделал вывод, что восточные славяне шли из Карпат на север и восток, неся с собой и культурные традиции. Согласно венгерской теории, славяне в Подкарпатскую Русь пришли как «гости» из огромных восточноевропейских просторов. Однако мы не находим никаких следов такой миграции. Какое-то количество поселенцев с востока пришло с [литовским подольским князем] Кориатовичем (конец XIV в. — *И.П.*), однако вовсе не 40 000 крестьян, как об этом говорится в одной легенде. Такое количество переселенцев [из Подолии] в тот период было просто невозможно.

Лемки поселялись на Спише, гуцулы в районе Ясиня, какое-то количество челяди приходило также с князьями, выходившими замуж за венгерских королей и магнатов. Пишу я сейчас об этом детально, потому как обстоятельная статья на эту тему (около 70 стр.) с использованием сравнительного материала (вышивки и диалекты) мною была написана накануне распада ЧСР, а после оккупации Подкарпатской Руси венгерскими войсками (15–18 марта 1939 г.) не могла быть опубликована. Во время моего ухода к партизанам (1944 г.) она погибла вместе с другими моими рукописными материалами. Это была моя «литературная смерть № 3»

Классифицированные мною вышивки находятся в Этнографическом музее в Праге. Я сомневаюсь, что в будущем найдется еще один «Дон Кихот», который бы повторил и дополнил сделанную мною работу. К тому же вследствие послевоенного прилива на Подкарпатскую Русь мигрантов с востока, жесткой украинизации и нивелизации всех старинных обычаев и обрядов местного населения, вряд ли это удастся сделать. В процессе работы над этим материалом я пришел к твердому убеждению, что славянское население Подкарпатской Руси есть исконно русское, не случайно оно на протяжении веков хранит свой исконный русско-русинский этноним [русины-руснаки].

В Подкарпатскую Русь я приехал в 1927 г. и обнаружил там три [национально-культурные и политические] течения, а именно: 1/ украинское, поддерживаемое социальными демократами, «волошиновцами»¹⁹ и [президентом] Масариком; 2/ «русинское», опирающееся на греко-католическую церковь и партию Автономный земледельческий союз, поддерживаемый Венгрией и никому не нужный. Тем не менее [его вожди] считали себя истинными хранителями русинских культурно-национальных традиций, что привлекало к ним местную патриотическую интеллигенцию; 3/ русское течение, не исключаящее [в языковой сфере] местные диалектные отличия.

Сначала я попытался официальным путем добиться дружественного сосуществования вышеуказанных течений, но их руководство и слышать не хотело о каком-то соглашении. Причиной такой позиции было то, что они получали финансовую поддержку из-за границы. Русины из Венгрии через греко-католического епископа, украинцы из Германии через родственные им организации в Польше (Галиции). Русское течение находилось на самофинансировании и только позже получало дотации от правительства ЧСР. Коммунисты, оттесненные аграрной партией, практически никакой культурной работы не вели, у них не было ни одной читальни. После 1935 г. я вел переговоры с О. Борканюком²⁰, чтобы в газетах коммунистов были русские «уголки». Борканюк не ответил ни да, ни нет, хотя признавал полезность такого шага.

¹⁹ «Волошиновцы» — подкарпатские украинофилы, возглавляемые монсиньором А. Волошиным.

²⁰ О. Борканюк (1901–1942) — лидер подкарпатских коммунистов, председатель краевой организации КПЧ.

Обещал узнать мнение [руководства КПЧ] относительно такого сосуществования, однако окончательного ответа я так и не дождался.

«Общество им. А. Духновича» отвергло идею русско-украинского сотрудничества, аргументируя свой отказ тем, что «украинство» на Подкарпатской Руси не имело никаких традиций. Привнесенное же извне, оно было пропитано сепаратизмом и ненавистью ко всему русскому, включая и прошлое. Я поддерживал публикации на диалекте (русинском языке. — *И.П.*) и его использование в театре. Несмотря на все это я оставался верен идее сосуществования всех трех языковых направлений (см. мою статью в сборнике «Подкарпатская Русь в годы 1919—1936», статьи в газете «Русский народный голос» (РНГ) о поэтах В. Грендже-Донском, Ю. Боршоше-Кумятском, Ф. Потушняке и др. В «Обществе им. А. Духновича» я работал с утра до вечера. Придя домой я читал, переводил [литературные произведения] с чешского языка, писал статьи для эмигрантских журналов. Руководство «Общества» больше занималось [проектерскими] рассуждениями, помощи от него не было никакой. С. Фенцик²¹ умел воздействовать на публику из числа учителей и крестьян, ему очень нравилось подписывать статьи, сообщения и другие материалы, подготовленные мною. Какую-то помощь мне оказывали С. Медьеша (бухгалтерия), А. Поливка (издательство), его племянник И. Араний (картотека, библиотека), П. Федор (связь с читальнями и учителями). Но вся эта помощь была разовая, от случая к случаю. Другой русский эмигрант И.К. Сысоев, судебный следователь, работал в канцелярии «Общества» с 6 до 9 часов вечера, писал официальные и частные письма для С. Фенцика, вел собственную переписку и делами «Общества» занимался мало.

В момент моего приезда в Ужгород, [в]1927 г., «Общество» на бумаге имело 71 читальню. На самом деле функционировали только 24, да и то регулярно только 16, в основном в Свалявском и Иршавском округах. Остальные были только для количества, чтобы «Общество» получало дотацию. «Общество» насчитывало около 2000 членов, но взносы (12 крон в год) платили только 131 из них. Секции при центральном правлении также существовали только на бумаге. Когда я после «испытательного» месяца работы представил отчет о деятельности «Общества», то члены руководства только горестно вздыхали. Отчет о работе «Общества», опубликованный в 1924 г., оказался вымыслом Фенцика и Сысоева. В октябре 1934 г. я прервал свое сотрудничество с «Обществом им. А. Духновича» в знак протеста против демонстрации Фенциком симпатий к фашизму [итальянского образца] и получением им финансовых средств от пресс-атташе польского посольства в Праге. Эти деньги к тому же польский дипломат передавал от венгерского центра пропаганды и его руководителя Еглички. С этого момента центральное руководство «Общества» издавало только календари.

Функционировавшие читальни работали сами по себе. Канцелярия «Общества» превратилась в личное бюро Фенцика, а газета «Карпаторусский голос» стала органом «вождя». Эта газета печаталась с мая 1932 до октября 1934 г. С февраля 1927 г. до 1934 г. количество читален «Общества» выросло до 300. В Прешове было создано отделение центрального правления по

²¹ С. Фенцик (1892—1946) — священник, юрист, педагог, публицист, амбициозный русинский политический деятель, идеалом которого был Муссолини. Депутат чехословацкого (1935—1938) и венгерского (1939—1944) парламентов. Осужден советским «народным судом» к смертной казни. По некоторым данным убит в камере ужгородской тюрьмы местным палачом Марусей-партизанкой (30. III. 1946). Реабилитирован в 1992 г.

просветительной работе в русинской среде восточной Словакии. С 1928 до 1930 г. я издавал ежемесячник «Карпатский свет», позже выходил нерегулярно до 1934 г. В 1935 г. один номер издал А.А. Фаринич, после этого журнал перестал выходить. При моем участии «Общество» издало свыше ста книг и брошюр. Об этом я писал в статье, опубликованной в сборнике «Подкарпатская Русь». В 1932–1934 гг. в редакции газеты «Карпаторусский голос» я ежедневно писал, редактировал и составлял вторую и третью газетных страницы, первую и четвертую составляли Н.А. Антипов и И.В. Крезе. Моя фамилия в газете не фигурировала. В ежемесячнике я опубликовал под своим именем статью о чешской поэзии, чтобы привлечь внимание чешской общественности. В издательстве «Общества им. А. Духновича» были изданы мои книги «Из чешской лирики» (переводы) и «Народные рассказы».

В 1928 г. мы решили с П. Федором ответить на полный лжи украинско-ультранационалистический учебник литературы для гимназий Володимира Бирчака «Литературни стремління Підкарпатської Руси». В качестве основы мы использовали краткий очерк Е. Сабова о карпаторусской литературе, изданный «Обществом им. А. Духновича», дополнили его материалом о литературе 18 и 19 столетий. П. Федор составил на основании моих заметок и брошюр А. Попова «Краткое введение», которое стало учебным пособием в гимназиях. В 1930 г., работая до полночи после рабочего дня, мне удалось составить собственный «Очерк карпаторусской литературы» (Введение в историю карпаторусской литературы), изданный совместно типографией «Школьная помощь» и Подкарпаторусским народным просветительным союзом.

Очень трудно было привлекать корреспондентов для журнала «Карпатский свет». Ценные материалы давал только др. Н.А. Бескид. Появились также молодые авторы. Я с радостью редактировал сборники «Избранные стихотворения» и «В лучах рассвета» А.В. Карабелеша. Это бесспорно талантливый поэт. Слухи о том, будто бы я «исправлял до неузнаваемости» его стихи являются ложью. Мое редактирование ограничивалось перестановкой слов для сохранения ритма, иногда я заменял определения (особенно часто повторяющееся «чудный»), но смысла стихотворений я никогда не менял, всячески стремился сохранить оригинал.

На страницах «Карпаторусского голоса» начали появляться имена молодых. Несмотря на трудности материального характера при журнале «Карпатский свет» я начал публиковать историко-литературное исследование Ф.Ф. Аристова «А.И. Добрянский», стихи Е.А. Фенцика (Владимира), собранные из галицких изданий др. Н.А. Бескидом, интересную серию воспоминаний Е.И. Сабова. Е. Сабов, по моему мнению, был намного выше своей среды. Это был благородный человек, не терпящий лжи. Колоритен был его язык, как устный, так и письменный, сочный, четкий, хранящий какую-то древность, значимость и красоту. Большую ценность имело бы издание его выступлений на заседаниях «Общества им. А. Духновича», дополненных воспоминаниями «Из моих записок».

После моего ухода от эксплуатации С. Фенцика в октябре 1934 г. мне и представителям старшего поколения карпаторусской интеллигенции, возмущенных превращением «Общества им. А. Духновича» в партийную канцелярию Фенцика, удалось получить в Праге небольшую дотацию для издания неполитической газеты «Русский народный голос». На средства обновленного «Общества» нам удалось организовать при редакции газеты издание двух серий «Народная библиотека» и «Содружество». В последней мы печатали исключительно произведения молодых талантов. В это время уже не было

недостатка литературных сотрудников редакции. В газетах я публиковал статьи под своей фамилией, политические статьи я подписывал псевдонимом «Партиот», фельетоны псевдонимом «Завейхвост», описание похоронных обычаев (игр), а также пьесу «Канцелярская сила» в календаре «Школьной помощи» на 1937 г. под псевдонимом «Фома Легунь» (см. мою книгу «Угро-русский театр», с. 105). В серии РНГ был издан мой перевод на русский язык поэмы К.Г. Махи «Май». «Круг друзей Подкарпатской Руси» в г. Брно, издававший ежемесячник «Podkarpatoruské revue» (ред. Я. Затлоукал), издал к юбилею Т.Г. Масарика мою работу «Т.Г. Масарик в подкарпаторусских песнях и поэзии». Часть из нее была напечатана по-русски в журнале «Центральная Европа». В 1930 г. были впервые изданы на русском языке «Избранные рассказы» Яна Неруды с моим введением. Эта книга мгновенно была распродана, только в Берлине было продано 200 экземпляров.

И тут наступил роковой 1938 г. В октябре (11.10.1938) родился анекдот с предоставлением Подкарпатской Руси «широкой автономии» на все более суживающемся пространстве ЧСР. Редактором РНГ был назначен И.Г. Шпак. Меня оставили как «почетного» редактора, поскольку Шпак был занят делами в кабинете премьера автономного правительства А. Бродия, в редакцию заглядывал редко и ее делами не интересовался. После ареста (26.10.1938) А. Бродия²² убрали и Шпака. Прежний состав редакции и сама газета с ее антифашистским профилем доживали последние дни. После Венского арбитража (2.11.1938) [Германии и Италии] Ужгород [и юго-западная часть Подкарпатской Руси] были присоединены к Венгрии, наша газета перестала существовать. Я переселился из Ужгорода в Доманинцы (ныне часть Ужгорода. — *И.П.*) и поселился в доме родителей жены. Член редакции Н.А. Антипов уехал в Прагу, Крезе вывез семью в село Середнее, сам оставался еще какое-то время в городе. В последний день перед вступлением венгерских войск в город «министр внутренних дел» автономного правительства др. Э. Бачинский объявил, что новой «столицей» Подкарпатской Руси будет Хуст и что газету будем издавать там. Я уехал в Хуст на последнем поезде из Ужгорода с пишущей машинкой, списком подписчиков и чемоданом в руке. Местечко Хуст было переполнено эвакуированными. С большими трудностями мне удалось выпустить шесть номеров РНГ в прочехословацком духе. 23 декабря «начальник полиции», бывший учитель народной школы, Белей со всей корректностью мне сообщил, что хозяином здесь уже считается Гитлер и что на мою газету и меня самого «обращают внимание» и рекомендовал мне подумать об этом. В тот же день в 2 часа после обеда в редакцию пришли представители тайной службы и сообщили мне, чтобы я рано утром 24 декабря покинул «столицу» и не задерживался на территории «Карпатской Украины». После установления новых границ единственно возможным путем ухода была траса Хуст — Перечин — Прешов. Из Прешова ездили еще поезда в Прагу. Прешов был переполнен эвакуированными из Кошице, также переданного по решению Венского арбитража Венгрии. Город жил уже представлениями о «независимой Словакии». Однако в виду известных многим моих «симпатий» к фашизму ехать в Прагу было равносильно смерти. В марте 1939 г. Венгрия оккупировала остальную часть Подкарпатской Руси и моя семья оказалась на территории Венгрии. Часть украинских

²² А. Бродий был арестован в Праге по обвинению в государственной измене, попытке оторвать Подкарпатскую Русь от ЧСР и присоединить ее к Венгрии. Обвинение подтверждено не было. Осенью 1944 г. арестован советской контрразведкой (СМЕРШ), судим «народным судом» в Ужгороде, приговорен к смертной казни, также убит в камере тюрьмы Марусей-партизанкой. Реабилитирован в 1992 г.

«самостийников», бежав из Хуста, по пути в Прагу под крыло немцев, задержалась в Прешове и решила расправиться со мной. Мой приятель, словацкий поэт Антон Придавок, предупредил меня о предстоящем аресте. Мои друзья обеспечили мне у какого-то венгерского чина «пропуск» на поездку к семье. С этой бумажкой я предстал на новой границе. Словацкие пограничники не имели ничего против моего выезда. Венгерские же получив от меня 3 доллара, которые я раздобыл в Прешове, также были «удовлетворены» и пропустили меня на свою территорию.

Я осел в Доманинцах, никуда не показывался, записывал свои впечатления и готовил очерк «Гитлер Украины» [о деятельности правительства «Карпатской Украины» А. Волошина]. Очерк я послал в редакцию журнала «Последние новости» и был уверен, что никто другой эту анекдотическую историю описывать не будет. Спустя почти год я получил письмо от секретаря редакции П.В. Вакара с испанской маркой на конверте, который мне писал, что для газеты этот очерк был слишком большим (120 машинописных страниц). Редакция по его словам бежала из Парижа перед приходом немцев. Сам он находился в лагере в Пиренеях и ждал разрешения на выезд в США. Сообщил мне также, что мою рукопись взял с собой как сенсационную и постарается опубликовать ее в США. Редакция нового «Русского слова» мой очерк не приняла, опять же ссылаясь на его объем и передала его издателю и книготорговцу в Нью-Йорке карпатороссу Сабову. В 1945 г. Вакар мне сообщил, что за прошедших пять лет многое изменилось. Сабов умер, его наследники издательство ликвидировали, а мою рукопись ему найти не удалось. Письмо я передал И.С. Шлепечко-му, который оправил его вместе с другими материалами в США своему брату с просьбой, чтобы он попытался найти упомянутый очерк. Ответа из США не последовало.

Венгерская полиция меня не оставляла в покое, начались обыски и я передал на сохранение копию очерка в редакцию И. Керчи²³. Позже ее взял на хранение А. Бродий, в то время депутат венгерского парламента. Однако после его неудачного бегства [перед приходом в Ужгород Красной армии и ареста агентами СМЕРШ], копия рукописи исчезла. Это была моя «литературная смерть» № 4.

В 1940 г. школьный отдел администрации «Карпатской территории», как поименовали мадьяры Подкарпатскую Русь, объявил конкурс на составление «Истории литературы» для гимназий, при том в такой форме, чтобы к каждой главе карпаторусской литературы была добавлена характеристика основных произведений русской, украинской и венгерской литературы (преподавание венгерской литературы велось отдельно, поэтому нужен был особый учебник). Никто из местных авторов на конкурс заявления не подал. В результате в школьный отдел пригласили меня и предложили написать этот учебник. При этом было обещано, что мне будет обеспечена постоянная работа корректором в газете «Русское слово» А. Бродия. Не успел я приступить к работе, как меня тут же уволили. Оказалось, что о предоставлении мне работы узнал С. Фенчик и через подставное лицо, бывшего учителя Э. Малинича, подал на меня жалобу в суд в Дебрецене с обвинением в оскорблении венгерской нации, содержащемся будто бы в в книге «Введение в историю карпаторусской литературы» 1931 г. издания. Обвиненный в столь тяжком преступлении, я был выброшен из редакции, дома у меня был произведен обыск, во время которого

²³ И. Керча (1914–1951) – русинский поэт, журналист, советский администратор (1944–1951).

конфисковали часть моих материалов. На часть тиража «Введения...», находившегося в типографии издательства «Школьная помощь» был наложен запрет ее распространения. Судебное дело длилось больше года, я получал повестки в суд, но сам я, как говорится, не ударил палец о палец, ждал, как будут развиваться события. Обвинение было абсолютно глупое.

Тем временем я, как анонимный автор, закончил работу над учебником и передал рукопись в школьный отдел. Заведующий отдела в свою очередь передал его на рецензию и дополнение в главах по истории венгерской литературы иерею Юлию Бокшаю. Он держал рукопись довольно долго, но в конце концов передал ее в типографию без особых изменений, только кое-где добавил фразы о «благодетелях Святостефанской короны». Школьный отдел издал книгу под авторством Бокшая, однако тот протестовал против этого и в результате книга вышла из печати с черной полосой на обложке.

Позже я узнал, что на основании судебного решения книга была передана на экспертизу университетским профессорами, которые заявили, что никакого «оскорбления нации» они в ней не нашли, тем не менее их заключение было негативное: книга не может быть рекомендована для школ «короны св. Стефана», она должна быть исключена из учебных программ, тираж подлежит ликвидации. О личности автора ничего не говорилось, так как согласно закону наказывать следовало не автора, а издателя, а им было «Подкарпатское народное просветительное общество», председателем которого в 1930–1932 гг. был не кто иной как С. Фенцик.

Решение суда меня успокоило, но уже спустя две недели у меня опять был произведен обыск, после него последовал арест. Я оказался в подвале полицейского управления в Ужгороде, откуда меня препроводили в тюрьму для интернированных (toloncház) в Будапеште. У меня не было никаких сопроводительных документов, поэтому меня депортировали в концлагерь Киш Торчо недалеко от Будапешта, где находились задержанные коммунисты и фашисты. Бог знает, сколько времени я бы находился в концлагере, но тут началась война против СССР. По всей стране в большой спешке арестовывали русских эмигрантов и направляли их в toloncház или концлагерь Киш Торчо. За эмигрантов заступилась супруга бывшего премьера графа Телеки, из русской аристократической семьи. В результате правительство приняло решение об освобождении из-под ареста «orosz emigrans» (русских эмигрантов), а поскольку я был также «orosz emigrans», то и меня освободили из лагеря. После освобождения из лагеря я пришел на регистрацию в управление полиции в Ужгороде. Начальник полиции, бывший в плену в России, женатый на русской, увидев меня развел руками и, вздохнув, пожаловался, что не знает как ему поступать. Дело в том, что С. Фенцик обо мне не забыл и требовал, чтобы меня депортировали на оккупированную немцами территорию СССР. В конце концов мне разрешили остаться в Ужгороде (вернее в пригороде Доманинцах) под контролем жандармского управления. Два раза в месяц я приходил туда на регистрацию, а жандармы в свою очередь каждую неделю контролировали меня дома.

В то время единственным учреждением культуры на так называемой Карпатской территории²⁴ был «Угро-русский национальный театр» как продолжатель «Земского театра» периода ЧСР. Поскольку он был театром гастролирующим, то мы, связанные с ним [и оппозиционно настроенные к венгерским властям] позже (летом 1944 г. — И.П.) использовали его гастроли для сбора

²⁴ Карпатская территория — официальное название Подкарпатской Руси в период 1939–1944 гг.

информации военного характера. Директор театра М. Лугош и один из актеров установили прямую связь с «партизанским центром» (в действительности разведывательной группой Украинского штаба партизанского движения, действовавшей с весны 1944 в Карпатах. — *И.П.*) и передавали им собранные сведения.

Театр частично дотировали венгерские власти. Для обеспечения этой дотации и повышения авторитета театра М. Лугош и В. Грабар обратились ко мне с просьбой написать несколько статей о его работе. Позже решено было написать о театре книгу «Угро-русский театр», ее распространение обеспечивал театр. Книга мною была написана и издана, довольно быстро распродана. Спустя некоторое время А. Бродий сообщил мне, что С. Фенцик пожаловался будапештским властям, что он, А. Бродий, поддерживает издание такой книги, в которой восхваляется [пребывание Подкарпатской Руси] в составе ЧСР.

Регентский комиссар [«Карпатской территории»] М. Козма потребовал информировать его о моей деятельности и приказал цензору ничего не пропускать в печать под моим именем. В то же время для обеспечения мне средств к существованию решено было включить меня в состав редакции газеты А. Бродия «Русское слово» «для внутренней работы» (корректурa, редактирование рукописей и т.д.) без авторского права. За меня поручился сам А. Бродий. С этого момента я публиковал свои материалы и произведения под псевдонимами И. Средин, Юрий Вир, А. Изворин, И. Говерла, И. Турий, С. Лошак, П. Ивашина. Вместе с И. Керчой мы развернули литературную и издательскую работу (см. список изданий в «Литературном альманахе»). Я печатал свои стихи и стихи молодых местных авторов в газетах и в альманахе «Накануне», стихи и прозу в «Литературном альманахе».

И. Керча был призван в армию и мне приходилось составлять литературные страницы в газете чаще всего самому. Кое-что удалось напечатать в журнале «Руська школа». Но самое интересное то, что «Подкарпатское общество наук» (ПОН)²⁵, в состав которого конечно я принят не был, опубликовало мои работы «Похоронные причитания в Подкарпатье» и «Сучасни руськи художники» в научном журнале «Зоря — Najnal». Директор ПОН И. Гарайда, мадьяризованный и полонизированный русин, бежавший из Кракова, преподававший в Краковском университете венгерский язык и литературу, человек высокой культуры, сам посетил меня в редакции газеты, признал правильными и правдивыми мои выводы. Его сотрудниками стали мои молодые друзья М. Лелекач и Ф. Потушняк. Это они помогли публиковать мои работы на страницах «Зори» под псевдонимом (А. Изворин).

24.10.1944 поступило указание от партизанского штаба оставить Ужгород и Доманинцы. Я использовал тот факт, что рядом с домом, где я проживал, венгерские артиллеристы установили свою батарею и попросил дать мне официальное разрешение полиции на временное поселение в селе Нижнее Солотвино [недалеко от Ужгорода]. Полицейское управление само готовилось к эвакуации и дало мне разрешение на отъезд. Красная армия вступила в Ужгород 27.10.1944 г.

Спустя несколько дней я пешком добрался из Нижнего Солотвина в Доманинцы. В доме, где проживала моя семья, был устроен лазарет, все из дома было выброшено вон, в кухне на полу лежала куча разорванных книг и моих рукописей. Начальник лазарета, человек «культурный», как он себя сам

²⁵ «Подкарпатское общество наук» — в 1941–1944 гг. русинская Академия наук, созданная венгерскими властями.

представил, объяснил мне, что книги солдаты рвали на куски, поскольку они иначе не горели в печке. После отъезда лазарета я целый месяц пытался собрать и сохранить хотя бы часть драгоценных местных изданий и моих рукописей. Результат был плачевным, что же было делать, война есть война...

Советские военные относились ко мне с уважением. Я был избран членом городского «народного комитета», вошел в состав комиссии по расследованию зверств фашистов. Одновременно я работал в редакции газеты «Закарпатська правда». Конфликтная для меня ситуация возникла после приезда из Киева какой-то дамы (фамилию ее я забыл), резко напавшей на меня с обвинением, что я пропагандирую какую-то «гоголевскую Русь» и «традицию Тараса» (Бульбы), все направляю в русское русло и преследую украинцев. Я понял, что такие представители «матери городов русских» готовы обвинить меня в распространении идей «буржуазного национализма». С этим согласились и советские военные, стоявшие на моей стороне. Они предложили устроить меня преподавателем университета в Уфе. Затем пришли с идеей, чтобы я как участник партизанского движения, уехал вместе с ними в Чехию и по мере продвижения войск организовал на месте издание их прессы. Уехать в Уфу для меня означало отказ от моих достижений в области карпатоведения, чешской и словацкой культуры. По правде говоря, как позже мне стало известно, университет в Уфе мне был предложен не как место, удаленное от Украины, а как город, не пострадавший от военных действий, где можно было лучше устроиться, чем в университетских центрах Украины.

В предчувствии возможных преследований со стороны лиц, подобных той «мадам» в Ужгороде, я решил присоединиться к армии и идти с ней на запад, не оставляя ту культурную среду, в которой я обрел специализацию. Так я оказался вместе с армейскими работниками культуры в Кошице. Здесь я занялся организацией издания военной газеты. Однако линия фронта быстро продвигалась на запад и издавать газету не пришлось. Какое-то время я редактировал газету «Пряшевщина», но вскоре оттуда ушел, занявшись издательским делом. Одновременно я преподавал русский язык в Торговой академии и сотрудничал с редакцией местной радиостанции.

Меня приглашали в Прагу, где создавали русскоязычное издательство. Я решил, что в Праге мне удастся сделать больше, чем в Ужгороде, где меня уже включили в число беглых «националистов». Я подал прошение об оптации (выборе чехословацкого гражданства. — *И.П.*). В Праге два года преподавал русский язык в гимназии, готовил свои книги к изданию, затем перешел в издательскую секцию Пражского экзархата Московской патриархии. Здесь я редактировал в 1947–1958 гг. (как маловерующий) пять журналов на трех языках, издал 37 книг, из них часть на церковнославянском языке фототипическим способом. Это были уникальные издания, которые покупались заграничными книгохранилищами за валюту. В Прешове в первые годы после войны, пока еще не наступила массовая словакизация русинского населения как результат введения в русинских селах украинских школ, Культурный союз украинских трудящихся (КСУТ) издал мои переводы со вступительными к ним статьями: «Избранные рассказы Я. Неруды», «Избранные стихи Янко Есенского», «Из чешской лирики». В издательстве «Хутор» был издан с моим участием интересный альманах «Пряшевщина», который позже попал в индекс «вредных книг». Последней ласточкой был изданный в Прешове сборник русинских пословиц и поговорок «Из уст народа», приуроченный к юбилею присоединения Подкарпатя к Москве. Эта книга, одобренная Чешской академией наук,

государственной цензурой, была по чьему-то указанию снята с продажи. На письменные запросы не ответили ни ЧАН, ни издательство, ни КСУТ. Устно мне было сказано, что на стр.33 упоминается фамилия С. Фенцика, а некоторые цитаты признаны двусмысленными. На мой взгляд причина была в том, что боялись демонстрации истинного желания народа сохранить свой исторический этноним и свое прошлое, которые должны были исчезнуть навсегда. Положительным в этой истории было то, что обязательные экземпляры уже попали в научные библиотеки, а некоторое из них получили адресаты в СССР.

Такая же судьба постигла и мою биографию [русинского писателя XIX в.] И. Сильвая. В дальнейшем меня уже не печатали, я стал *persona non grata*! В письмах в Пряшев Зозуляку и руководству КСУТ я выступил на защиту шельмованного Карабелеша²⁶, вернее его творчества, поскольку он как личность превратился в алкоголика. Однако мое выступление было «гласом вопиющего в пустыне».

В 1952 г. у меня появились первые приступы бронхиальной астмы. В настоящее время нахожусь в ожидании смерти как избавления от страданий. Тем не менее меня и дальше влечет к работе, хотя фактически я уже слепой, хожу с белой палочкой. Пишу не видя текста, поэтому прошу простить мне стилистические прегрешения и грамматические ошибки. Очень жаль, что в моих книгах, изданных в Прешове, очень много типографских ошибок. Корректор был неряшливый, надеялся, что я все исправлю в процессе авторской корректуры. Господа редакторы, главный и технический, верили корректору, текст не читали, при этом лишили меня авторской корректуры. Они боялись, что я буду протестовать против искажений текста, сделанных ими без моего ведома и согласия. Увы, мой сохранившийся в последних жизненных перипетиях рукописный архив ничтожно мал и большого значения не имеет. Я надеялся, что после ухода на пенсию наведу порядок в своем архиве и восстановлю то, что утеряно, но осталось в памяти. Хотелось написать о судьбе Константина Матезонского²⁷, о заселении Подкарпатской Руси, которую я считаю прародиной восточных славян и Руси, о распространении христианства среди славян Подкарпатя в IX в. учениками св. Мефодия и другие. К сожалению, моя болезнь меня подкосила.

Это все, что я могу, как на исповеди, рассказать вам и пожелать Вам здоровья и сил в борьбе за предначертанное лучшее будущее. На склоне дней своих ценю как драгоценность дружественное отношение ко мне.

Евгений Недзельский.

Воспоминания Е.Л. Недзельского к печати подготовил И.И. Поп.

²⁶ А. Карабелеш (1906–1964) — русинский поэт русофильского направления. В кризисном 1956 г. выступил с критикой социалистической системы в Чехословакии. Коммунистические идеологи в Прешове и Ужгороде развернули острую «антикарабелешовскую» кампанию шельмования поэта.

²⁷ К. Матезонский (1794–1858) — русский музыкант, создатель первого многоголосного хора Ужгороде. Беженец, предположительно участник восстания декабристов 1825 г., скрывавшийся от царской полиции в Австрийской империи.